

ЧАРОДЕЙСТВО И КОЛДОВСТВО ЛОПАРЕЙ

давних пор повсюду, куда проникли сведения о лопарях, они пользуются дурной славой благодаря крайнему пристрастию ко всевозможным магическим действиям, волшебству и чародейству. Поэтому, изложив в предыдущей главе все, относящееся к еще крепко укоренившимся среди них пережиткам язычества, я считаю не лишним остановиться и на столь широко прославивших их суеверных обычаях и нечестивых обрядах.

Из старинных авторов, писавших о лапландцах, уже Яков Циглер называет их "искуснейшими волшебниками", а португалец Дамиан Гоен уверяет, что "народ этот до того пропитан всякими невероятнейшими чародействами, что даже умеет своими заклинаниями останавливать бег морских судов, идущих под всеми парусами". В таком же духе отзывается о лапландцах, живущих на севере Норвегии, и Петр Клауд: "Все они такие колдуны и волшебники, каких в наши дни, да и в прошлом, едва ли можно встретить. Самые худшие из них лаппофинны, еще более преданные суеверию, чем приморские финны".

Не менее определенны отзывы древних писателей о предках нынешних лапландцев, жителях древней Биармии: "Жители Биармии, – пишет Олаф Магнус, – искусны в чаровании людей. Взглядом, словами или какими-нибудь другими действиями они умеют так связывать людей, что те лишаются здравого рассудка, теряют свободу воли и часто совершают непонятные поступки". Саксон Грамматик приводит такой пример волшебства биармцев в описании одной битвы: "Тогда биармцы сменили силу оружия на искусство своего волшебства, дикими песнями наполнили они свод небесный, и мигом на ясном до тех пор солнечном небе собрались тучи и полил проливной дождь, придавая печальный облик всей лучезарной еще недавно окрестности".

Совершенно подобный рассказ мы находим и у древнего исландского летописца Стурлесона, что не оставляет места сомнениям в истинности этих невероятных явлений. Правда, в наше время лапландцы уже не так часто и не так явно пользуются своими сверхъестественными способностями, почему Андрей Бурей и пишет вполне резонно, что "лапландцы в старину больше были преданы чародействам, чем ныне" и далее: "Большая часть лапландцев уже не обладает магической силою". На это же указывает и Пейцер: "В наше время уже реже встречается колдовство среди этого народа, т.к. шведский король пригрозил суровыми карами всем, кто станет им заниматься". Тем не менее немалое число лапландцев и поныне упражняется в этом искусстве.

Как на причину этого явления, кроме уже указанной мною основной, заключающейся в прочных еще пережитках у этого народа языческих верований, следует указать и на то, что многим приходится изучать чародейство и

кудесничество, хотя бы для того, чтобы защитить себя от козней и ухищрений других колдунов и волшебников.

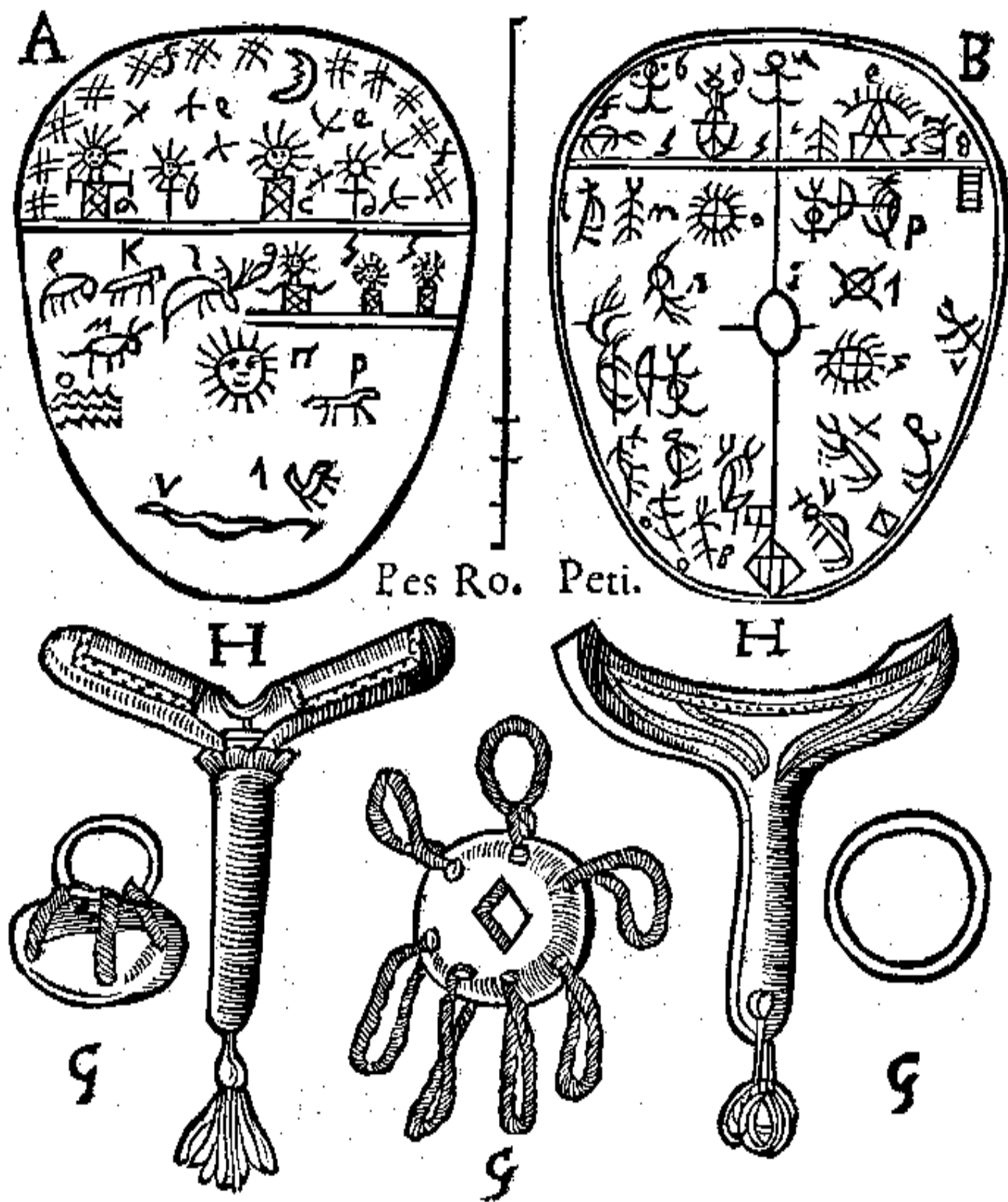
Сами лапландцы часто ссылаются на эти соображения. К этому же склоняются и многие авторы, как, например, вышеупомянутый Петр Клауд, сообщая следующее: "Знание этого искусства для них совершенно необходимо, т.к. иначе они терпели бы неисчислимые бедствия от своих же земляков". По этой причине среди лапландцев встречаются настоящие учителя и знатоки этого дела; родители, в свою очередь, по наследству передают своим детям приобретенные ими самими знания в этой области и власть над злыми духами и демонами, подчиняющимися их заклинаниям. Это подтверждает Иоанн Торней: "Есть у них знатоки и учителя этого искусства" и Петр Клауд: "Некоторые отдают своих детей в выучку лопарям". Есть и другие примеры.

Исландский летописец Стурлесон упоминает об одной девушке по имени Гунильде, посланной своим отцом Одзоаром Хюиде – жителем острова Гельгоlanda (Halogoland) на воспитание в Финмаркен, т.е. на север норвежской Лапландии "к королю лапландцев Мотле для изучения чародейского искусства финнов".

Многоуважаемый И. Торней рассказывает, что они приобретают эти знания или от специальных учителей, или от родителей, или же в дальнейшем путем упражнения и наблюдения над тем, как магические действия совершаются другими, более опытными, и, таким образом, сами становятся колдунами, если имеют к тому еще и врожденные задатки. Дело в том, что отнюдь не все почитаются одинаково способными этому искусству, некоторые, например, несмотря на обучение и большой опыт, оказываются совершенно к нему негодными, как пришлось мне слышать от многих, достойных доверия людей. И. Торней по этому поводу справедливо замечает: "Подобно тому как не все лапландцы одинаковы по натуре, точно так же и в могуществе волхвований они обладают далеко не равными силами". Далее тот же автор делает любопытное замечание: "Демоны у этого народа составляют часть наследства, и бывает так, что одна семья кичится перед другой тем, что имеет более могущественных".

Из этих слов, а также из других сообщений выясняется, что отдельные семьи имеют своих собственных демонов, отличных от тех, которыми пользуются другие семьи, и сплошь и рядом им враждебных. Идя в этом направлении еще далее, уже не только семья, но даже отдельные люди имеют своих собственных демонов, иногда одного, иногда многих, из которых одни защищают их от козней чужих демонов, другие же сами употребляют ими во вред прочим людям.

Олаф Петерсон Ниурений так пишет об этом: "Лапландцы кичатся числом преданных им демонов, одни,

имея одного, другие – двух, трех и более. Особенно могущественные чародеи верят, что могут, пользуясь их услугами, защитить себя от нападений и беспрепятственно причинять вред другим людям, не могущим сопротивляться их власти". Одни приобретают это могущество упорными трудами и многолетними упражнениями, другие же как будто владеют им с самого рождения.

Иоанн Торней подробно останавливается на этом вопросе: "Есть люди, которые обладают магической силой как будто с самого раннего детства, об этом даже ужасно подумать. По-видимому, дьявол с самых юных лет уже чувствует в них своих верных и покорных слуг, в будущем и в самом детстве поражает их странной болезнью,

под влиянием которой им показываются различные видения и образы, дающие им, сообразно их возрасту и степени умственного развития, нужный материал для дальнейшего успеха в чародействе. Когда болезнь охватывает их вторично, они уже видят несравненно большее количество образов и картин, черпая из них еще более глубокие и опасные познания, чем в первый раз. Если же, наконец, и в третий раз они подвергаются этому припадку, который уже обыкновенно так бывает силен, что представляет опасность для жизни, то пред ними раскрываются уже все дьявольские видения и откровения, из которых они узнают все, что только пожелают, все, что необходимо для достижения полного совершенства в магии.

Люди, достигшие этой ступени, уже не нуждаются в волшебном барабане, которым пользуются при чародействе лопари, для того чтобы видеть вещи, отдаленные пространством и временем, дьявол уже настолько владеет ими, что даже помимо собственного желаяния они видят и слышат это. Так, например, один лапландец недавно принес мне свой барабан, которого я раньше тщетно от него добивался, и печально сознался мне, что, хотя он и оставил его и не заводил себе другого, несмотря на это, продолжает видеть вещи, происходящие в других местах точно также, как он раньше видел их с помощью барабана. Для доказательства истины своих слов он подробно и точно описал мне все, что произошло со мной во время моего путешествия в Лапландию (чего он не мог знать), и тут же стал просить совета, что бы сделать ему со своими глазами, перед которыми все время теснятся эти дальние образы".

Перейдем теперь к самому описанию чародейства лопарей, все виды которого можно разделить на две группы по характеру тех инструментов, которые употребляются для их осуществления: во время первого лопари пользуются особым волшебным барабаном, при втором – уже узлами, метательными снарядами, заклинаниями и прочим.

Прежде всего поговорим о барабане, так как он является особенно характерным для лапландцев. Сами они называют его Каннус (Kannus), как сообщает уважаемый и достопочтенный Иоанн Торней, пастор и настоятель прихода в Торнео, в своей книжечке о лопарях. "Свои волшебные обряды, – пишет он, – лопари совершают при помощи материального инструмента (на их языке Kannus), сработанного наподобие барабана... Предмет этот носит название Квобдас (Quobdas) или Каннус (Kannus), у нас же – лопарский или, вернее, волшебный барабан". Барабан лопари делают из выдолбленного дерева, по преимуществу из сосны, ели или березы, растущих в особых священных местах и обращенных к солнцу, как свидетельствуют Самуил Реен (Rheen) и Олаф Петерсон Ниурений. Каспар Пейцер, в свою очередь, предполагал, что барабаны делаются из меди, и ошибался.

Под деревом, обращенным к солнцу, подразумевается такое дерево, пучки древесины которого, идущие вдоль ствола, обращаются справа налево. Из этой особенности строения лопари заключают, что данное дерево находится в соответствии с направлением движения солнца, а следовательно, угодно солнцу. В области Торнео эти деревья служат предметами тайного культа как священные. Из стволов таких вот именно деревьев изготавливается барабан. Ствол дерева должен быть цельным. С одной стороны он выдалбливается и по выступающему краю этого углубления затягивается кожей, нижняя же, выпуклая часть, устраивается так, чтобы за нее можно было держаться.

Для этой цели выпуклая сторона снабжается двумя резными продолговатыми отверстиями таким образом, чтобы остающаяся между ними часть дерева выступала наподобие киля. Остальная часть, боковая, на которой закрепляется натянутая сверху кожа, имеет форму продолговатого овала, диаметр которого равняется половине локтя, а то и меньше. Кожа, которая натягивается на барабан, тоже обязательно должна быть цельной. Она закрепляется по краям деревянными клинышками (гвоздя-

ми) или же швом из оленьих жил.

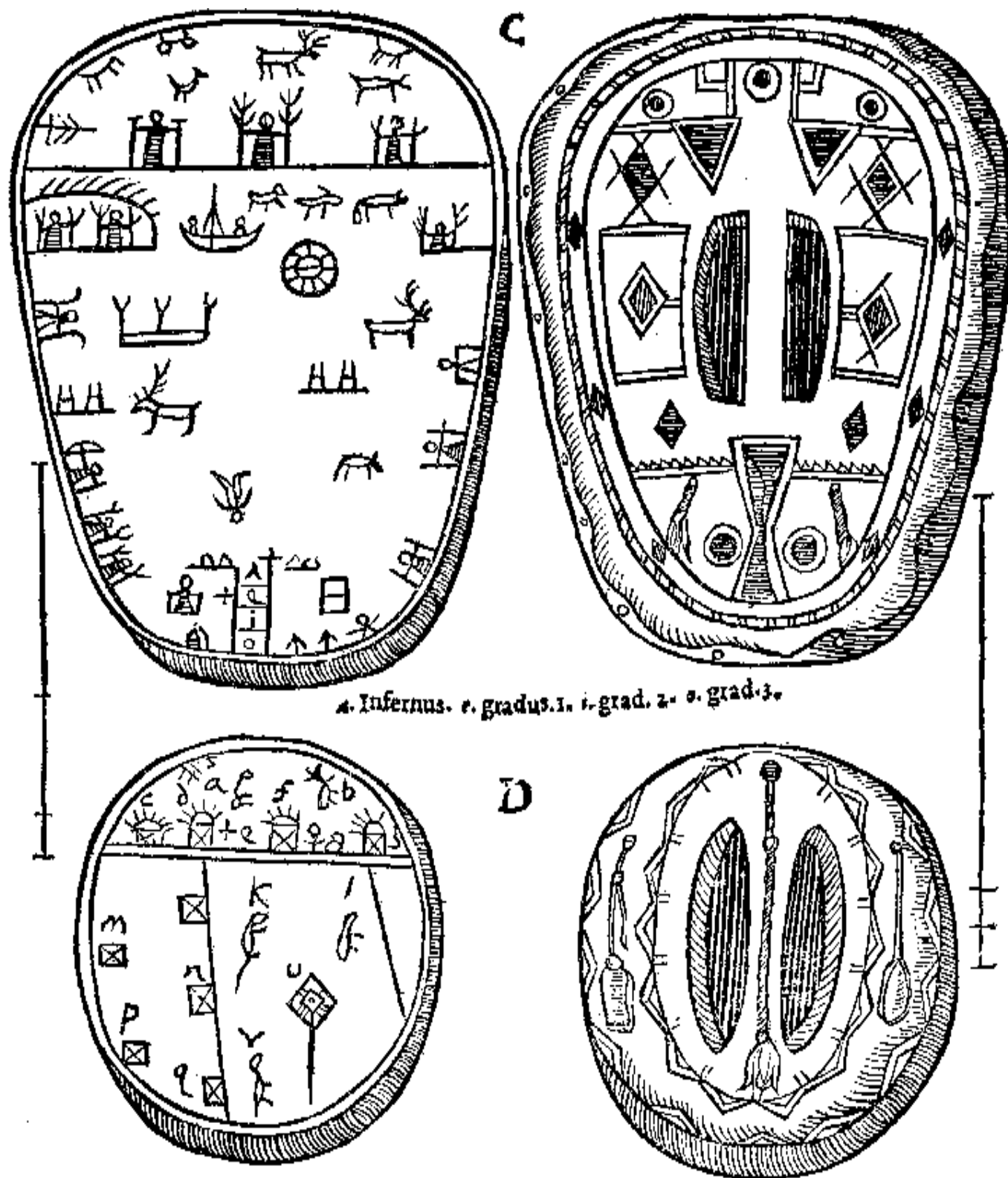
Олаф Магнус, говоря о способе употребления барабана, называет весь инструмент наковальней: "Медную лягушку или змею он потрясал размеренными ударами молота по этой наковальне". Это фигуральное выражение дало повод плохо разбирающемуся в предмете художнику, иллюстрировавшему книгу Магнуса, нарисовать тут кузнечную наковальню со змеей на ней и скачущей лягушкой под большим кузнечным молотом. Все это смешно человеку, хоть раз видевшему лопарский барабан. Олаф Магнус сравнил его с наковальней только потому, что лапландцы ударяют в него молоточком, как будет видно из дальнейшего.

Натянутую на барабан кожу, они расписывают разными изображениями, сделанными красной краской, приготовляемой из толченой и вываренной ольховой коры (Иоанн Торней и Самуил Реен). Этот последний дает подробное описание того, что обыкновенно изображается на коже барабана. "Приблизительно посередине барабана, – указывает он, – они проводят две поперечные линии, а над ними изображают своих наиболее чтимых богов, как, например, Тор (Thoronem) – владыка над прочими, – с его слугами, а также Сторюнкара (Stoorjunkarem) с такими же. Затем ниже проводится еще две линии, параллельные верхним, но доходящие лишь до середины барабана, над ними изображается Христос с некоторыми апостолами. То, что нарисовано над всеми этими линиями, должно обозначать птиц, звезды и луну. Ниже, в самом центре, изображается солнце, на которое кладут связку медных колец каждый раз, когда бьют в барабан. Ниже солнца рисуют уже всевозможные земные предметы, разных животных, как, например, медведи, волки, олени, лисицы, змеи, а также леса, болота, реки, и т.п."

Однако на основании своих собственных наблюдений я должен признать, что не все барабаны расписываются подобным образом. Я сам имел в качестве образцов три таких предмета в своем личном собрании.

Один из них изображен в моем труде под литерой "В" рядом с барабаном, описанным Самуилом Рееном. Несколько отличается от вышеприведенного и описание барабана, сделанное Иоанном Торнеем. "Все фигуры, – пишет он, – разделяются на несколько сфер или областей, главнейшие из них три. Первая изображает Норландию и многие области Швеции и помещается в южной части барабана, отделяясь от остальных чертой. На ней обыкновенно нарисован ближайший город, с которым лопарями ведутся ежегодные торговые сношения. Так, например, на одном барабане из Торнеоского округа изображен город Торнео с церковью, с пастором и начальником округа – словом, со всеми теми людьми, с которыми им приходится иметь дело. Далее – дорога, идущая от Торнео к их области, по которой они следят во время гаданий, не едет ли к ним священник, начальник или кто-либо другой из представителей власти.

В северной части изображена подобным же образом Норвегия с разными свойственными ей подробностями. Среднюю же и большую часть барабана занимает их собственная страна. В ней изображены различные животные, которые водятся в Лапландии. Тут стоят целые стада оленьих медведей, лисицы, волки, дикие звери всякого сорта, все это для того, чтобы при волхвовании можно было определить, где они в данный момент находятся.

A. Infernus. 8. gradus. 1. 6. grad. 2. 9. grad. 3.

Когда потерялся, например, олень, его ищут при помощи барабана. По нему же смотрят, выживут ли олени телята, удачен ли будет улов рыбы, охота, выздоровеет ли больной или умрет, легко ли пройдут роды у беременной, где и когда приключится кому-нибудь смерть и от каких причин. Словом, на все, что волнует и заботит лапландца, должен дать ответ барабан".

В чем причина такого различия в расписывании барабанов, я не знаю и могу лишь повторить слышанное мною мнение о том, что барабаны, служащие для волхвований, каждый расписывает сообразно своим чародейским способностям и намерениям.

Ввиду этого многообразия считаю нужным к уже описанным прибавить изображение еще двух барабанов, позаимствованных мною из Музея светлейшего королевского канцлера. На рисунке изображена как верхняя, так и оборотная сторона. На обеих главный интерес представляют не столько сами фигуры, сколько их истолкование, приложенное к ним в объяснительных примечаниях, так же как и в рисунке (B).

Не ограничиваясь этим, светлейший канцлер по своей неоценимой щедрости разрешил мне воспользоваться и третьим барабаном (обозначаемым здесь литерой "E") такой громадной величины, что другого подобного

едва ли можно где-либо еще найти. Кроме того, я привожу здесь еще изображение четвертого барабана под литерой "F", любезно подаренного мне светлейшим бароном Генриком Флеммингом. Для пользования этими барабанами необходимы два вспомогательные орудия: это указка и молоточек. Первая служит для фиксации той из нарисованных на барабане фигур, которая является предметом гадания, второй – для ударов по натянутой коже. В большинстве случаев указкой служит именно та связка медных колечек, о которой упоминает Самуил Реен. Для этой цели берется обычно медное кольцо, на которое нанизываются уже более мелкие колечки так, что в целом это напоминает гроздь.

Впрочем, и этот предмет имеет по временам совсем другую форму. Так, например, в моем личном собрании есть одна указка, сделанная из грубой меди, имеющая форму талера с квадратным отверстием посередине и вместо нанизанных колечек снабженная связанными радиусами тонкими медными цепочками; другая представляет собой стальное кольцо с подвешенной к нему на тонких цепочках круглой медной пластинкой. Я видел также еще и другие, сделанные из кости, в форме греческой буквы дельта, с подвешенными к ней колечками и т.д. Изображение этих предметов из моей коллекции я прилагаю к рисункам А и В под литерой "G".

Так как, однако, кольца составляют, по-видимому, основную часть этого предмета (что подтверждается и видом указок из собрания светлейшего канцлера), то прав был анонимный автор, на которого я уже неоднократно ссылался, говоря: "Кольцо, лежащее на барабане, не остается неподвижным". Олаф Магнус называл их змеями или медными жабами. Это название дано им не потому, чтобы лапландцы действительно пользовались когда-нибудь змеями или жабами или чтобы эти предметы походили на названных животных, а скорее в силу обычая считать змею и жабу излюбленными Сатаной существами, которыми они охотно пользуются в своих нечестивых обрядах. Сами лопари называют этот предмет арпой (Агра). "Указка, – сообщает Иоанн Торней, – которую они называют арпой, состоит из сцепленных вместе колечек – медных, железных, стальных или серебряных".

Из этих слов мы вправе заключить, что не одна только медь, но и другие металлы могут служить материалом для изготовления этих предметов. Молотком называется инструмент, которым колдуны бьют в барабан. Олаф и Иоанн Магнусы рассказывают, как "лопари вызывают семейных духов (*genios familiare*), ударяя по барабану молотком". Это, конечно, не кузнечный молот, как представлял себе неудачный иллюстратор книги Олафа Магнуса, а своеобразный инструмент, сделанный из оленьего рога таким образом, что два расходящиеся разветвления служат для удара, а главный ствол – рукояткой, что изображено на прилагаемых рисунках А и В под литерой "H".

Этим молотком лопари бьют по натянутой на барабан коже не с целью произвести громкий звук, а лишь для того, чтобы сотрясением мембраны вызвать перемещение положенной на какой-нибудь рисунок указки в желательном направлении к другим фигурам, что и служит основой для дальнейшего гадания.

Такой вид имеет волшебный барабан со всеми своими принадлежностями у лопарей, платящих дань Швеции.

Отчасти он вошел в употребление и у так называемых финлаппов (*Finnlappi*), финно-лапландцев, живущих на севере Норвегии и входящих в состав королевства Датского. Однако там он несколько отличается от описанного нами, как видно из рисунков, сделанных Олафом Вормием – ученым и пытливейшим исследователем, опубликованных им в описании его "Музея" (*Museum Wormianum*). Несмотря на это, я не думаю, чтобы это различие зависело от того, что те племена пользуются другими барабанами, которые отличаются от наших, а полагаю, что особый вид придается им в зависимости от тех целей, для которых изготавливается тот или иной вид инструмента.

Чтобы не заслужить упрека в умышленном умолчании о чем-нибудь существенном, я привожу здесь подлинное слово Олафа Вормия. "Лопарский барабан, – пишет он, – в который, ударяя, они гадают и колдуют, сделан из овального куска дерева, выдолбленного внутри, длиной около фута, шириной около десяти дюймов, с шестью резными отверстиями и рукояткой, за которую они держатся левой рукой в то время, когда правой бьют в барабан. Жилами к нему прикреплена мембрана, расписанная разными нелепыми фигурами, намазанными кровью или какой-нибудь красной краской. К этому присоединяется слегка выпуклое медное тело, имеющее форму ромба, диаметром около двух дюймов, отмеченное по углам медными цепочками. Барабанная палочка, сделанная из рога, которою бьют в барабан, имеет форму большого латинского "Т" длиной в шесть дюймов и толщиной в мизинец".

Этим барабаном лопари пользуются в разных случаях жизни и многое получают благодаря ему, по крайней мере таково их мнение на этот счет. Поэтому он окружен в их среде почетом и служит предметом забот и бережного ухода. Его хранят завернутым в овечью шерсть вместе с указкой и молоточком (Самуил Реен).

В другом издании сочинения Самуила Реена есть упоминание о том, что эти инструменты завертываются не в овечью шерсть, а в *Loomskin*, что обозначает не шерсть, а пух особого вида водяных птиц, которых в этой стране называют *Loom*. Одна из них описана Вормием в его "Музее" и, может быть, еще более подробно будет описана мною, если когда-нибудь мне удастся опубликовать материалы моего собственного собрания редкостей.

Барабан считается у лопарей священным предметом, относящимся к религиозному культу, и поэтому строжайше возбраняется прикасаться к нему какой бы то ни было женщине, достигшей половой зрелости (*nubili, manvixne*). Поэтому же в случае перевода или перехода на другие места барабан переносится последним, обязательно самим мужчиной, а не женщинами, и притом иногда такими путями, которыми еще никто не ходил.

Эту странность они объясняют опасением, чтобы кто-нибудь, а в особенности взрослая женщина, идущая по пути, по которому несли барабан, не подверглась из-за этого опасности потери здоровья или даже смерти. По их словам, подобные случаи бывали неоднократно и опасность их наступления длится около трех дней. Как ни странны эти слова, но сомневаться в них нет оснований, т.к. дьявол также требует уважения к своему культу и строгими карами обеспечивает подчинение своим законам в пределах, допущенных Господом Богом.

Но если все же случится, что женщина прошла по тому

пути, по которому несли барабан, то она должна немедленно принести в жертву барабану медное колечко во избежание гибельных последствий.

В дальнейшем мы рассмотрим, каким образом и при совершении каких обрядов, связанных с волшебным барабаном, получают лопари те многочисленные блага, о которых они говорят.

Олаф Петерсон насчитывает три вида случаев, служащих предметом волхвований; они относятся или к охо-

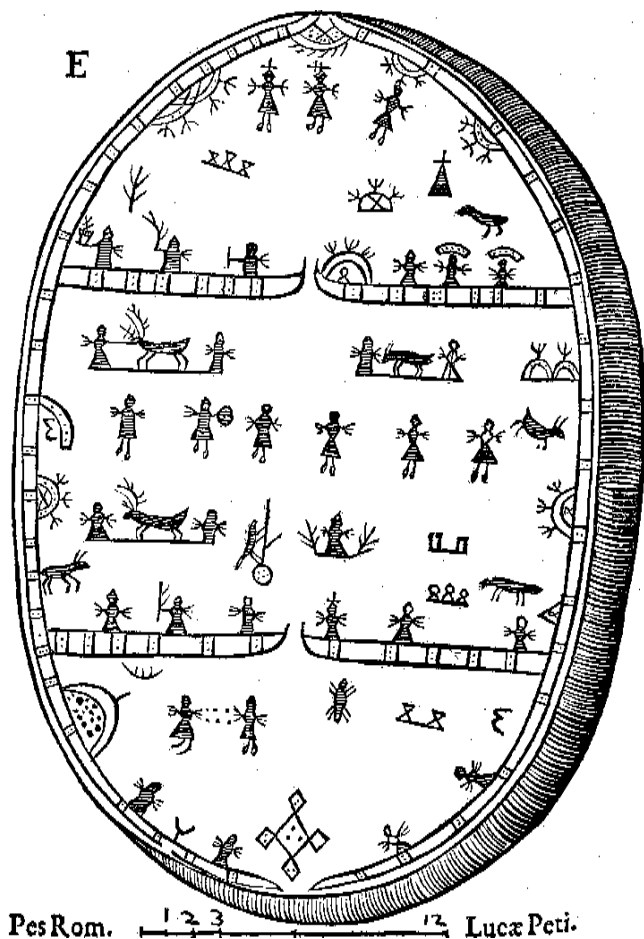
рабаном: "Он понемногу приподнимает барабан, затем вдруг ударяет в него поблизости от лежащей на нем указки, сперва очень легко, пока указка не сдвинется с места; когда она переменит свое положение уже довольно значительно, удары становятся сильнее, продолжаясь до тех пор, пока она не достигнет какой-нибудь из начертанных на барабане фигур, дающих ответ на вопрос гадателя". Кроме того, обязательно соблюдается правило: чтобы не бить в барабан стоя, колдун должен стоять или, скорее, сидеть перед ним с согнутыми коленями. Такую же позу принимают и все присутствующие при волхвовании.

Что касается предмета чародейских волхвований, перечисленных выше, то прежде всего остановимся на успехах, достигнутых лопарями в ясновидении, т.е. в видении того, что происходит в отдаленных от места гадания странах. "Желая знать что-нибудь о своих друзьях или недругах, – говорит Олаф Магнус, – отдаленных от них громадными пространствами в 500 или даже 1000 миль, люди обращаются к опытному в этих делах финну или лапландцу, делая ему приношение платьем или деньгами, и узнают от них, где находятся и что в данный момент делают их друзья или недруги".

То же говорит Петр Клауд в своем "Описании Норвегии" о живущих в Финмаркене финнолапландцах (Finnolappis): "Они умеют показать желающим, что происходит в местах отдаленных". В дальнейшем так же, как и Олаф Магнус, он рассказывает, как это делается, но мы изложим это ниже, а здесь приведем сообщенный им рассказ о происшествии этого порядка, имевшем место в Бергене, в Норвегии, и засвидетельствованном общественной властью в торговых книгах немецких купцов этого города. "В Бергене жил некий Иоанн Деллинг, – рассказывает он, – представитель одного богатого немецкого купца. Его знакомый Яков Смаозюнд (Smaoswend) привел к нему однажды одного финнолапландца, жителя северной Норвегии, к которому Деллинг обратился с просьбой открыть ему, что делает в данный момент его хозяин в Германии. Лапландец согласился удовлетворить его любопытство и внезапно начал вопить, как пьяный, подпрыгивая и кружась, и, наконец, упал замертво на землю. Пролежав так некоторое время, он как будто очнулся и, поднявшись на ноги, сообщил ему, что происходит в доме купца в Германии.

Привлеченные странностью этого происшествия, другие купцы немедленно записали сообщение лапландца в официальную торговую книгу с целью проверить сказанное. Впоследствии по наведению справок действительность вполне совпала с показаниями лапландца".

Этот факт интересен, как подтвержденный свидетельством общественности и официальными документами. Не менее интересен, на мой взгляд, и факт, сообщаемый Иоанном Торнеем, почтенным пастором и настоятелем прихода в Торнео, заключающийся в том, что пришедший к нему лапландец с совершенной точностью сообщил ему все подробности его путешествия по Лапландии, до тех пор никогда в глаза не видав самого Торнея. "Подробнейшим и точнейшим образом, – рассказывает Иоанн Торней, – он изложил все, что произошло во время моего пути в Лапландию. И хотя все, что он говорил, до мелочей совпадало с действительностью, я сказал ему, что все это ложь и обман, чтобы не дать ему возможности хвастать своей прозорливостью, данной ему дьяволом, и, следова-

те и промыслам, или к религиозному культу, или к откровению того, что скрыто далью пространства и времени.

Самуил Реен различает четыре вида пользования волшебным барабаном в зависимости от различия преследуемых колдуном целей. Во-первых, познание того, что происходит в отдельных местах (ясновидение), во-вторых, гаданье о грядущем успехе или неудаче начатых дел, а также о судьбе человека, впавшего в тяжкую болезнь, в-третьих, волхвования для излечения болезней, в-четвертых, познание того, какими жертвами умиловать богов и какой вид животных наиболее угоден им при жертвоприношении.

Ритуал волхвований во всех перечисленных здесь случаях далеко не одинаков. Тем не менее, при начале каких бы то ни было действий с волшебным барабаном прежде всего заботятся о том, чтобы кожа на нем была хорошо натянута и напряжена. Это достигается поднесением его к огню. Во-вторых, в барабан стараются ударять поближе к положенной на него указке и, наконец, начинают всегда с очень слабых ударов, постепенно увеличивая их силу до тех пор, пока не будет выполнено задуманное.

Иоанн Торней так описывает действие колдуна с ба-

тельно, верить в его силу и могущество".

У меня нет опасений подвергать сомнению слова такого почтенного, всеми уважаемого и благочестивого человека, притом нисколько не отличавшегося суеверием. Что касается способа, которым пользуются при данных обстоятельствах, то описания его весьма различны у разных авторов.

Олаф Магнус в цитированном мною выше месте изображает это таким образом: "Он приходит на собрание в сопровождении одного только спутника и жены, затем потрясает молотком медную лягушку (указку из колец) или змеи на наковальне (барабан) и качается то в одну, то в другую сторону под монотонное пение и, поминутно падая, наконец, приходит в экстаз. Некоторое время он лежит, как мертвый. В это время его спутник тщательно охраняет его от какого бы то ни было прикосновения, следит, чтобы даже блоха или муха, или какое-нибудь другое животное не коснулось его, ибо в этот момент дух его, ведомый дьяволом и очарованный властью песен и заклинаний, издалека приносит знаки (кольцо или нож и т.п.) в доказательство выполнения поручения. Через некоторое время, очнувшись, он встает и сообщает о виденном всем окружающим и своему спутнику".

Петр Клауд описывает это несколько иначе: "Колдун бросается на землю и, теряя сознание, лежит замертво с почерневшим искаженным лицом. Так он лежит час или два – в зависимости от того, как далеко то место, откуда он должен принести вести. Когда же он пробуждается от своего оцепенения, то может подробно рассказать обо всем, что происходит в том отдаленном месте". Как видите, Петр Клауд ничего не упоминает ни о барабане, ни о пении, ни о спутниках, ни о внешних знаках выполненного поручения. Но нет ничего удивительного в том, что один изображает события так, другой иначе, в зависимости от того, что он считает самым существенным и важным, упуская, по его мнению, второстепенное. О роли барабана в этих волхвованиях не приходится сомневаться, если учесть все предыдущее.

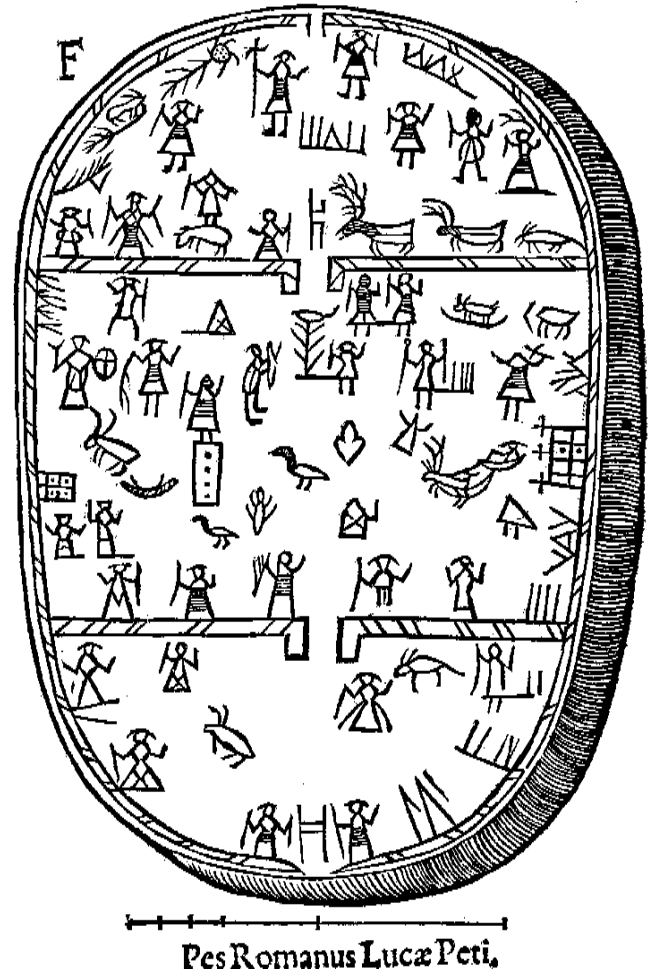
Олаф Петерсон дает описание еще одного барабана, своеобразной формы, а именно с рукояткой в форме креста на его нижней поверхности, за которую заклинатель держится левой рукой. Подобной же особенностью отличается один из барабанов, полученных мною благодаря неоценимой щедрости светлейшего барона Генрика Флемминга, командира пехотного полка в Финляндии, изображение которого я помещаю в книге. Олаф Петерсон прибавляет также, что к инструменту иногда подвешиваются рога и кости животных, убитых лопарями на охоте.

Что касается спутников, сопровождающих колдуна, а равно и всех присутствующих при волхвовании, то мы имеем по этому предмету свидетельство Самуила Реена, который пишет: "Желая узнать, что происходит в далеких странах, лопари следующим образом пользуются своим волшебным барабаном: на него кладут медные кольца, связанные вместе медной цепочкой, на то место, где на нем нарисовано солнце; после этого раздвоенным молотком, сделанным из рога, ударяют в него таким образом, чтобы кольца от сотрясения пришли в движение. Прodelывая это, лопарь поет особенно высоким голосом, который у них называется "юке" (Jouke). Все остальные присутствующие при этом мужчины и женщины присоединяются к пению со своими песнями, которые поются бо-

лее низким голосом и называются "дуура" (Duura). Слова их определены и имеют отношение к тому месту, откуда желают получить сведения".

Как видно, здесь несомненно указывается на участие барабана в подобных волхвованиях, а также на роль присутствующих не одного только спутника и жены, как сообщает Олаф, но и многих мужчин и женщин, поддерживающих колдуна своим пением.

Тот же автор далее говорит о том, как колдун в изне-

можении падает на землю. "После того, как он бьет в барабан вышеуказанным образом в течение более или менее долгого времени, – говорит Реен, – он падает на землю, как сонный". А многократно цитировавшийся мною анонимный автор, видимо, весьма осведомленный в этих вопросах, пишет: "Падает на землю и испускает дух, как бы гаснет".

Пейцер в книге своей "О волхвовании" сообщает нам следующее: "После того, как обычными церемониями заклинатель вызовет своих богов, он внезапно падает и становится бездыханным, как будто действительно душа его выделилась из тела". Так же говорит и Петр Клауд: "Он высылает из себя душу", откуда и следуют слова Олафа: "Дух его, ведомый дьяволом, издалека приносит знаки".

Все это показывает, что многие действительно верили в возможность выделения души колдуна из тела и в последующее возвращение ее туда после посещения дальней страны, откуда колдун желал получить требуемые вести.

Однако предположение это ложно и нечестиво, т.к. душа, вышедшая из тела, уже никакими силами не может

быть возвращена в него и сам дьявол в этом не властен. Заклинатель в действительности лежит на земле вовсе не бездыханным, а со всеми внешними проявлениями чувств, подавленными и как бы уничтоженными влияниями злого духа, с изменившимся и обезображенным лицом, о чем, кроме Петра Клауда, свидетельствует и тот же анонимный автор: "Долго поют заклинания, пока не потеряют сознание и не упадут, как мертвые. При этом, по-видимому, страдают мучительно от сильнейшего напряжения, так

ствующие при заклинании обязательно должны продолжать свое пение все время, пока он лежит в обмороке, и беспрестанно напоминать ему о том, что они желают узнать, иначе он может вовсе не вернуться к жизни".

Точно так же это состояние может закончиться смертью, если кто-нибудь попробует коснуться лежащего рукой или ногой, чтобы внезапно разбудить его. Именно с целью оберечь его от такой случайности на спутника его возлагается обязанность отгонять от него мух и мелких животных, а также заботиться о том, чтобы никто не коснулся его, как уже упомянуто Олафом Магнусом. Я помню, что у Пейцера есть указание на это: "Необходимо, чтобы при лежащем в забытьи всегда находился кто-нибудь, кто бы охранял его, иначе демоны могут его окончательно похитить".

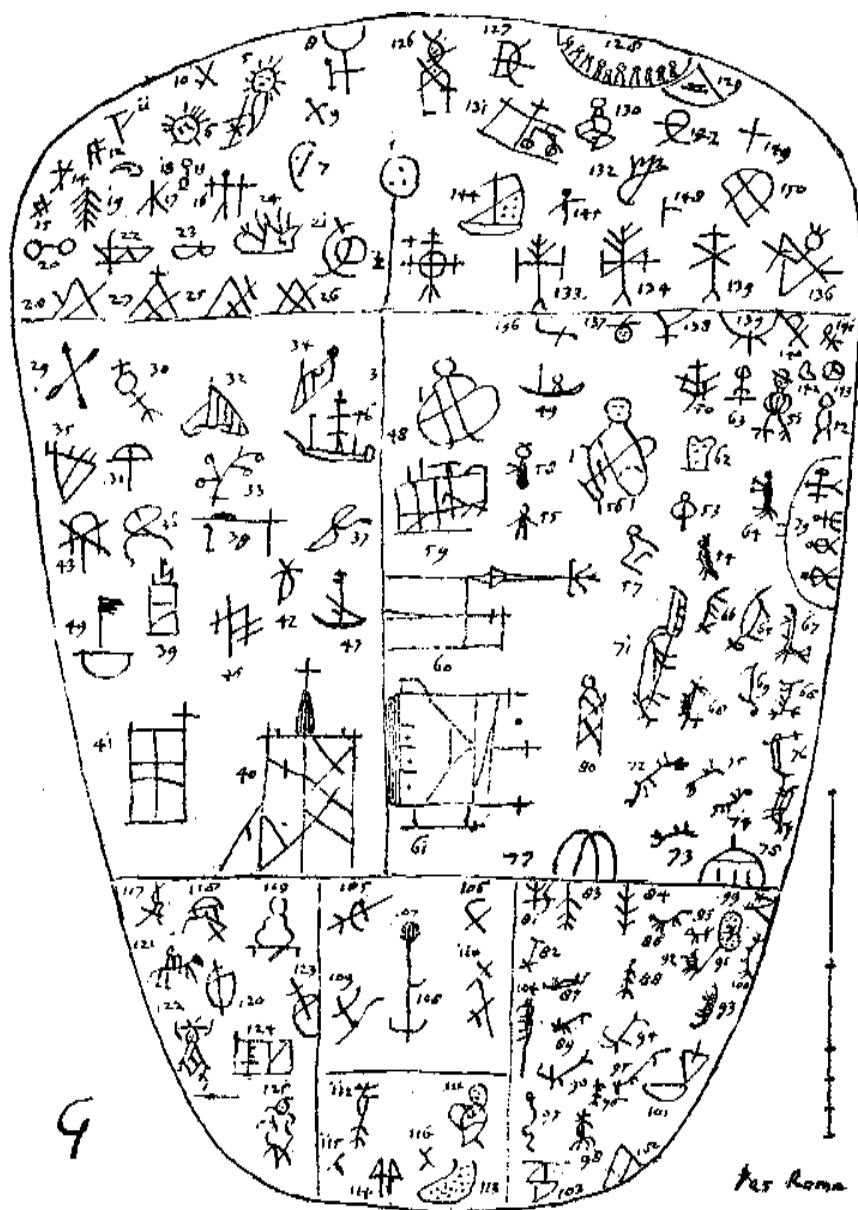
Что касается похищения тела демонами, то это неверно, может случиться лишь, что он совсем не проснется. "Сторож, охраняющий простертое на земле тело от малейших случайных прикосновений, необходим, так как в противном случае тело может вовсе не вернуться к жизни", — говорит Олаф Петерсон.

Итак, по истечении некоторого времени колдун приходит в себя и начинает отвечать на задаваемые ему вопросы. Он припоминает все, что узнал из ударов по барабану, а также и то, что происходит в отдаленных местностях. Пейцер говорит, что это происходит лишь через 24 часа, но этот срок слишком долгий и не может быть определен с точностью; одни пробуждаются раньше, другие позже, в зависимости от того, как далеко расстояние до интересующего колдуна места. Срок в 24 часа скорее можно рассматривать как максимум для самых дальних расстояний.

Олаф Петерсон также считает, что "они умеют отвечать на любые вопросы и, как бы далеко ни отстояло данное место, хотя бы на сотни миль, ответ получается не позже, чем через 24 часа". Наконец, для того, чтобы не оставалось ни малейшего сомнения в истине того, что сообщает заклинатель, они, по желанию, доставляют издалека какие-нибудь хорошо известные вопрошающему предметы, как,

например, кольцо, башмак, нож и т.п. Об этом свидетельствует Олаф Петерсон, как уже было сказано выше.

Таково главнейшее применение волшебного барабана у лопарей, но они пользуются им и для других надобностей. На втором месте можно поставить гадания о грядущей удаче или неудаче каких-нибудь событий, как, например, охота, хозяйственные планы и т.п. При этом гадании также возлагают на барабан кольца, поют заклинания и, потрясая его ударами, следят, в каком направлении передвигаются кольца. Если они движутся вправо, т.е. по солнцу, то это принимается за благоприятное предзнаменование; если же влево, т.е. в направлении, обратном движению солнца, то ждут неудачи и несчастья.

как не только лицо их, но и все тело покрывается обильным потом". Итак, бьют в барабан и, наконец, падают с ним навзничь, прикрывая им голову, как показано на рисунке.

Самуил Реен прибавляет к этому, что остальные присутствующие при заклинании мужчины и женщины не прекращают своего пения в то время, когда колдун лежит без сознания, а, наоборот, усиленно повторяют свои заклинания, чтобы он в этом бесчувственном состоянии не забыл о том, для чего он послан.

Анонимный автор замечает, что в противном случае он мог бы на самом деле умереть и никогда уже не пробудиться от своего странного сна: "Все остальные присут-

Самуил Реен подробно говорит об этом: "Желая узнать, удачны или неудачны будут какие-нибудь начинания, они гадают подобным же образом: кладут на барабан кольца в том месте, где на нем изображено солнце, и бьют в барабан. Если кольца движутся вправо, по направлению движения солнца, то это служит им знаком грядущей удачи, выздоровления от болезни и приятных радостных событий, как для людей, так и для их домашних животных; если же наоборот, т.е. в направлении, обратном движению солнца, то ждут неудачи, болезни и всякие бедствия". Смысл такого истолкования ясен для тех, кто уже знает, что солнце лопари почитают за первопричину всего живого. Поэтому, когда колечки движутся согласно с его бегом, все живое радуется и ликует, следуя как бы по стопам солнца.

Лопари прибегают к этим гаданиям по поводу самых незначительных мелочей своей повседневной жизни, например, пускаясь в путь, отправляясь на охоту, перекочевывая на новое место и т.п., как будет видно из дальнейшего. Гадая об успехе охоты, они обращают еще внимание на то, в какую сторону обращено колечко – на восток или на запад, стараясь извлечь из этого более точные указания о направлении, которого им следует держаться.

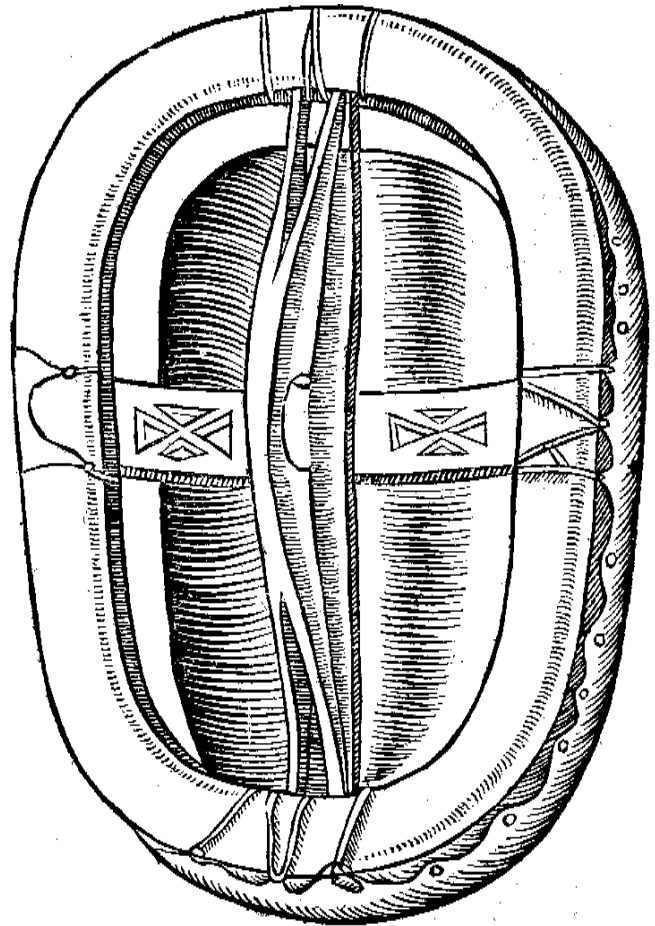
"Собираясь на охоту, – говорит Олаф Петерсон, – они подносят натянутую на барабане кожу к огню, кладут "лягушку" (указку, кольца) на то место, где на нем нарисовано солнце, и бьют в барабан короткими и легкими ударами до тех пор, пока она не остановится на каком-нибудь из нарисованных на барабане животных, стараясь уловить направление: на восток или на запад, на север или на юг, прямо или между этими направлениями. Все это говорит охотнику, в какую сторону ему надлежит сегодня отправиться или на какого зверя, птицу или рыбу лучше охотиться, чтобы иметь успех".

Теперь я перехожу к третьему виду пользования барабаном, а именно к его употреблению во время болезни. В этом случае смысл его может быть двояким: во-первых, при помощи барабана стараются разгадать причину болезни, произошла ли она естественным путем или напущена чьими-нибудь чарами. Затем выспрашивают о средствах, могущих излечить болезнь, ища указаний на какое-нибудь определенное, угодное богам жертвоприношение, желая узнать, какому богу следует его сделать, в особенности же какому Сторюнкару, без воли которого, по их представлению, никто не может излечиться от хвори. На все это должен дать ответ не сам больной, а тот, кто бьет в барабан. Он же указывает, что следует делать. "Все, что предпишет барабанщик (tympanista), больной обязан или немедленно выполнить, или же принести обет, что требуемое жертвоприношение будет им совершено к определенному сроку".

Обряды, совершаемые при этом действии, описаны Самуилом Рееном: "Когда собираются лечить болезнь при помощи барабана, то поступают следующим образом: прежде всего больной должен дать тому, кто бьет в барабан, два кольца – одно медное, другое серебряное, которые он привязывает к его правой руке. Оба эти кольца переходят потом в собственность чародея в награду за понесенные труды. Впоследствии колдун подвязывает их к пучку тех колец, которыми он пользуется при волхвовании с барабаном. Сделав это, он ударяет в барабан, затягивая торжественную песнь. К его пению присоединяют

ся окружающие больного мужчины и женщины: первые – низкими, вторые же – высокими голосами". Так из движения колец на барабане чародей делает те выводы, о которых мы уже говорили выше.

Нами изложены здесь наиболее обычные виды пользования барабаном. Остается еще один, не столь распространенный, при помощи которого совершаются всякие злодеяния, насылаются на людей беды, болезни и даже смерть. К счастью, не все умеют им пользоваться.

Самуил Реен прямо говорит: "Многие лопари, но далеко не все, пользуются барабаном для злодеяний", а Иоанн Торней справедливо замечает: "Лопари, гадающие с помощью барабана лишь описанными выше способами, протестуют, когда их причисляют к тем людям, которые волхвованием причиняют другим вред, так как эти последние делают злое дело, они же – обратное". И хотя использование волшебного барабана для таких дьявольских замыслов не для всех приемлемо, однако, среди лопарей все же многие занимаются этим злым промыслом.

Иоанн Торней в 1671 году в Кемской (Kiemensis) Лапландии захватил много людей подобного рода с барабанами такой громадной величины, что не мог вывезти оттуда и принужден был сжечь на месте. Он же приводит пример одного из злодеяний, совершенного при помощи волшебного барабана: "Среди этих лопарей (кемских) был один восьмидесятилетний старик, который хвалился тем, что еще ребенком изучил под руководством отца это искусство. В 1670 году он своими чарами утопил в водопаде одного кемского крестьянина. За это злодеяние он был приговорен к смертной казни и в кандалах отправлен в ближайший город Ботнии. Однако находясь в пути, он

сам себе причинил смерть при помощи своего магического искусства, а именно умер внезапно, выполняя этим свою угрозу скорее умереть, чем попасть в руки палача".

Какими обрядами сопровождаются эти чародейства с волшебным барабаном, какие при этом употребляются слова, движения, знаки, нам неизвестно, так же как и тем ученым, которые писали по этому вопросу. Я думаю, это и понятно, так как, конечно, подобные вещи сохраняются в глубочайшей тайне и даже заняться изучением и исследованием их нельзя без того, чтобы не навлечь на себя подозрения в гнуснейшей нечестивости.

На этом, мне кажется, можно покончить с описанием волшебного барабана лопарей, которому мы посвятили достаточно внимания, и перейти теперь к следующей группе искусств, осуществляемых при помощи своеобразных магических инструментов. Среди них прежде всего упомянем о веревке с завязанными на ней узлами, которая употребляется при заклинании ветров.

Циглер так говорит об этом: "На шнуре они завязывают три магических узла. Когда, произнося заклинания, развязывают первый узел, поднимается небольшой ветер, за развязыванием второго узла следует уже сильный ветер, если же дойдут до третьего, то поднимается настоящая буря, подобно тому как и древние умели вызывать гром и молнию".

Олаф Магнус приписывает этот вид колдовства финнам: "В ряде пережитков язычества, сохранившихся у финнов, до сих пор в ходу заклинание ветров. Купеческим кораблям, задержавшимся у их берегов вследствие противных ветров, они предлагают за определенное вознаграждение вызвать желательный ветер. С этой целью они передают мореходам магический шнур с завязанными на нем особым образом тремя узлами, предупреждая их, однако, что, если развяжут один узел, будут иметь приятный попутный ветер не очень сильный, развязав второй – уже более свежий, а развязав третий – такую сильную бурю, что в вихре ее ничего нельзя будет увидеть впереди ни с рулем, ни с парусами".

То, что здесь относится к финнам, Циглер приписывает лопарям. Однако никто из других авторов, писавших об этом народе, ни о чем подобном не упоминает. Мы не находим никаких указаний на это ни у Самуила Реена, ни у Иоанна Торнея. В этом нет ничего удивительного, если

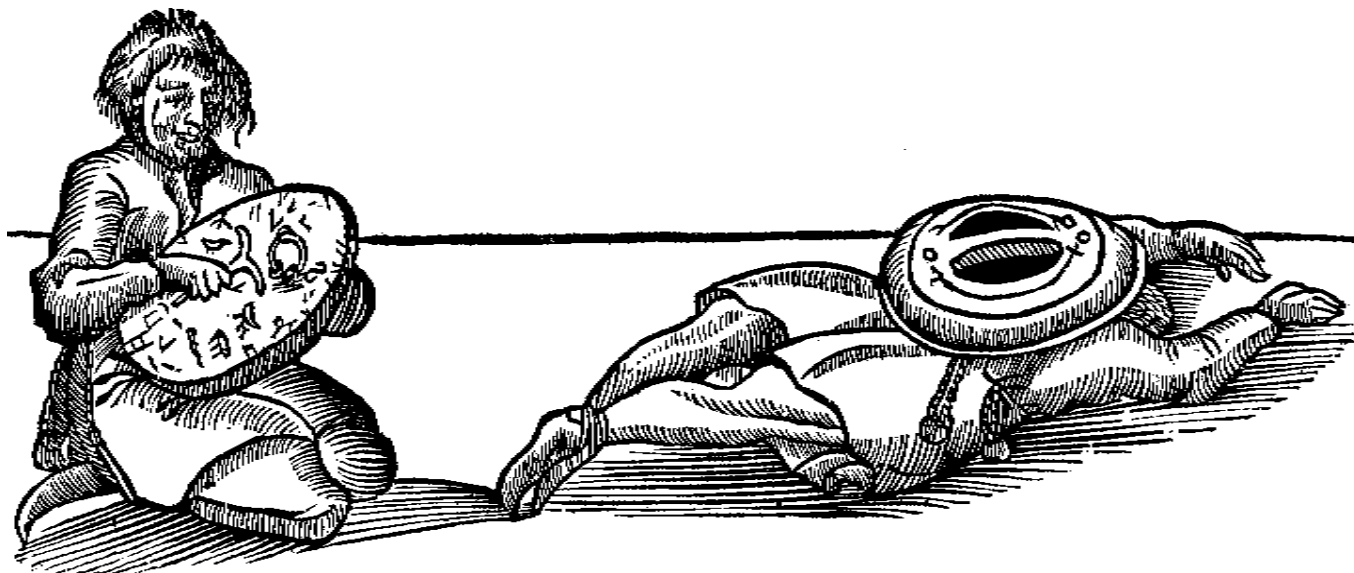
вспомнить, что лопари народ сухопутный, живущий вдали от моря. Поэтому все сказанное Циглером скорее может иметь отношение к финнолаппанцам (Finnlappi), живущим в Финмаркене, на севере Норвегии, и по океанскому побережью.

Петр Клауд подтверждает эту мысль, говоря, что эти племена владеют искусством вызывать какие угодно ветры. При этом он сообщает любопытную деталь, заключающуюся в том, что заклинатель с особенным успехом может вызвать тот ветер, который дул в момент его появления на свет. Что касается способа заклинания ветров, то описание Петра Клауда совпадает с только что изложенным нами со слов других авторов.

Подобно тому, как этот вид колдовства, по-видимому, более свойствен финнолаппанцам северной прибрежной полосы, им же может быть приписан и другой сходный вид чародейства – умение остановить бег корабля, идущего под всеми парусами, и сделать его неподвижным среди моря. Впрочем, и это некоторые авторы приписывают лаппанцам, как, например, уже упоминавшийся Дамиан Гоен: "Они останавливают бег морских судов, – говорит он, – идущих под всеми парусами так, что никакая сила ветра не может сдвинуть их с места". А Циглер добавляет: "Владеют чародейским искусством, дающим власть над мореходами, по желанию то содействуют их плаванию, то чинят им препятствия, научившись управлять движением морей и рек".

Единственным средством избавиться от этих могущественных чар являются выделения (excrementa) девственниц, как утверждает Дамиан Гоен: "Против этого зла есть только одно средство – вымазать нос и корму корабля выделениями девственницы. Этого не выносят злые духи, насылаемые на корабль лаппанцами". Какого рода эти выделения (excrementa), я думаю, ясно всякому. Несомненно дело идет о менструальной крови девушек, т.к. она исстари считается вернейшим средством против всевозможных магических чар. Об этом упоминает еще Плиний: "Весьма вероятно, с чем и я готов согласиться, что месячные крови женщины разрушают волшебные чары".

Перейдем теперь к третьему виду волхвований, распространенных среди лопарского народа, а именно к тому, что Циглер называет метательным снарядом (jacula), при помощи которого насылаются болезни, страдания и вся-

кие несчастья на людей, хотя бы и находящихся очень далеко от чародея. Слова Циглера таковы: "Они делают магические снаряды для метания из свинца – короткие, величиной с палец, и кидают их через любое расстояние на тех, которым желают отомстить за что-либо. Эти люди заболевают злокачественной (carcinomate) опухолью рук или ног и умирают в течение трех дней в тяжчайших муках".

Это сообщение Циглера почти дословно повторяет и Олаф Магнус, но, принимая во внимание, что в своем сочинении он в одном месте упоминает о Циглере, можно думать с известной долей уверенности, что свои сведения по этому вопросу он непосредственно и почерпнул из только что цитированного места сочинений Циглера.

Несмотря на все это, я серьезно опасаясь, что оба они были введены в заблуждение касательно описанных ими свинцовых метательных снарядов, и в дальнейшем постараюсь доказать это.

Дело в том, что в настоящее время нет никого, кто бы знал что-нибудь о подобных предметах. О них нет ни малейшего упоминания ни у Самуила Реена, ни у других писателей, и даже в устных преданиях не сохранилось и следа чего-либо подобного, что представляется в высшей степени странным, так как о многом, уже исчезнувшем, дошли до наших дней отчетливые и точные сведения.

Ввиду всего этого я склонен думать, что Циглер был введен в заблуждение толкованием слова *skott* (порча), которым пользуются и поныне для обозначения описанных им результатов зловредного колдовства. Когда человек или животное, бывшие до тех пор вполне здоровыми, внезапно и тяжело заболевают или даже умирают, то просто-народе приписывает это действию волшебных чар и называет это словом *skott* (порча), т.е. накинутае, наброшенное, наведенное (*jaculum*), что и дало повод Циглеру предположить участие в этом метательного снаряда, обладающего волшебной силой, и описать его подробно, добавив для полноты, что он изготовляется из свинца. В действительности трудно поверить, что существует нечто соответствующее сделанному им описанию, и что наведение порчи совершается таким способом.

Между тем еще одна загадка волнует меня. Еще один метательный предмет, наводящий порчу, Петр Клауд называет словом "ган" (*gan*). "То, что испускается для этой цели, – говорит он, – имеет вид мухи, а в действительности это есть не что иное, как сам демон. Большое количество этих существ норвежские финны, запятнавшие себя этим нечестивым искусством, хранят в кожаном мешке и ежедневно их оттуда выпускают".

В пояснение этих слов он приводит пример, удержавшийся в его собственной памяти: "Несколько лет тому назад один человек, который жив и поныне, предпринял путешествие в горы Северной Норвегии, думая поохотиться там на медведей, и зашел в пещеру, расположенную у подножья скалы. В этой пещере он нашел грубо сделанного идола, принадлежавшего некоему финну. Неподалеку от финна стояла "ганеска" (*ganeska*) этого финна или

волшебный мешочек. Когда он открыл его и заглянул внутрь, то увидел, что он полон копошившимися синеватыми мухами, которые были "ганом" (*gan*) этого финна, т.е. злыми духами, подчинявшимися его влиянию, которых он и посылал ежедневно в разные стороны".

Нет сомнения, что эти "ган" были именно тем, при посредстве чего и наводилась порча на людей и на животных, как это и видно из дальнейшего рассказа. Петр Клауд описывает еще, как один человек извергает или насыляет своего "гана" на другого, а тот отгоняет его своими чарами. Далее он сообщает любопытную подробность, которая подтверждается сведениями, полученными мною и из других источников: "Они верят, что никакого зла не может причинить "ган", кем-нибудь посланный на человека, если посылающему неизвестно имя отца того, кому он намеревается причинить вред".

В заключение следует заметить, что все описанное Петром Клаудом о наведении порчи посредством "гана" среди финнов и финнолапландцев в Северной Норвегии у некоторых лопарей может

быть достигнуто еще при помощи того, что они называют "тире" (*Tyre*).

Это "тире" представляет собой не что иное, как круглый мячик величиною с грецкий орех или небольшое яблоко, сделанный из нежного пуха, легкий, ровный, почти невесомый, по-видимому, полый внутри, неопределенного цвета, составленного из смешения желтого, зеленого и голубого, с незначительным преобладанием желтого.

Я имею один экземпляр такого "тире" в своей коллекции благодаря любезности благороднейшего Иоанна Оттона Сильверштрема, ассесора металлических дел коллегии и Правителя Сальбергенских и Фалунских копий. Так как предмет этот никем еще не был описан и знаком весьма немногим, то я прилагаю ниже его изображение, сделанное мной самим насколько возможно точно. Говорят, что это "тире" может быть оживлено особыми чарами и сделано подвижным. Такое волшебное "тире" лапландцы продают тому, кто хочет им воспользоваться, при этом они убеждены сами и стараются убедить других, что послав кому-нибудь это "тире", они могут навести на него змей, жаб, мышей и прочих гадов, которые будут ему досажать нещадно.

Сверх того, они полагают, что это "тире" мчится по пути к тому, кому оно предназначено, наподобие вихря, дротика или шара, и в случае, если в этом полете встретится с чем-нибудь живым, причинит ему тот вред, который предназначался другому, и таким образом легко может отклониться от своей первоначальной цели и повредить совершенно невинной жертве. По-видимому, даже в наше время можно привести немало примеров случаев такого рода, но так как слишком долго было бы рассказывать о них, то я остановлюсь на этом, закончив изложение, если не всего, то хотя бы наиболее важного из относящегося к религии, культуре, обрядам и суевериям лопарей, для того, чтобы перейти к описанию дальнейшего.

